

В. В. Леденева

О концепте ЗЕМЛЯ в концептосфере М. Ю. Лермонтова

Статья посвящается исследованию связей концепта ЗЕМЛЯ в вербализации его представления М. Ю. Лермонтовым частотным в текстах словом *земля*. Реализованные лексико-семантические варианты слова учитываются в качестве единиц диалекта писателя и репрезентантов определенного пласта концепта. Показано, что смысловое содержание осложнено автором культурно-философской оценкой понятий, обуславливающих в его произведениях значимую роль слова *земля* как имени концепта с многогранными связями в выражении художественно-эстетического содержания, мировоззренческих позиций М. Ю. Лермонтова. Охарактеризована художественно воплощенная в поэтических и прозаических текстах произведений связь концепта ЗЕМЛЯ с такими единицами лермонтовской концептосферы, как НЕБО, БОГ, СТИХИЯ, КРАСОТА, РОДИНА, ЖИЗНЬ–СМЕРТЬ, ЛЮБОВЬ. Концептосфера индивидуума является частью национальной, но имеет неповторимые особенности, обусловленные спецификой ментально-лингвального комплекса языковой личности. В статье уделяется внимание сквозным мотивам лермонтовского творчества (борение страстей, космизм, духовно принимаемый патриотизм), которые имели личностно обусловленный характер. В год 200-летия со дня рождения великого русского поэта обращение к его языку, стилю, особенностям мировидения, нашедшим отражение в характере концептуализации ЗЕМЛИ, представляется актуальным.

Ключевые слова: антиномии, антропоцентризм, идиолект, идиостиль, концептосфера, концепт ЗЕМЛЯ, лексико-семантический вариант, мотивы творчества, слово *земля*, частотность, язык М. Ю. Лермонтова, язык художественной литературы.

V. V. Ledeniova

About the Concept of Earth/Land/Ground in the Concept Sphere of M. Y. Lermontov

The article is devoted to the study of relations of the concept of Earth/Land/Ground in the verbalization of its submission by M. Y. Lermontov frequency of the word *earth (land, ground)* in his texts. Implemented lexico-semantic variants of the word are considered as units of writer's idiolect and representatives of the definite formation of the concept.

It is shown that the semantic content is complicated by the author with cultural-philosophical evaluation of the concepts, in his works they are determining a significant role of the words the *earth (land, ground)* as the name of the concept with many-sided relations when incarnation of fictional and aesthetic content, philosophical positions of M. Y. Lermontov.

Is characterized the relationship of the concept of the Earth/Land/Ground in poetry and prose texts with such units of Lermontov's concept sphere, as the SKY, GOD, NATURAL DISASTERS (ELEMENT), BEAUTY, MOTHERLAND, LIFE–DEATH, LOVE.

The concept sphere of the individual is a part of a national concept sphere, but it has unique features, due to specificity of the mental-lingual complex of the linguistic identity. The article pays attention to cross-cutting motives of Lermontov's creativity (the struggle of passions, cosmism, spiritually accept patriotism), which were due to personal nature. In the year of the 200th anniversary since the birth of the great Russian poet the appeal to his language, style, features of world-outlook, reflected in the nature of conceptualization of the Earth/Land/Ground, seems to be actual.

Keywords: antinomy, anthropocentrism, idiolect, idiostyle, concept sphere, the concept of the Earth/Land/Ground, lexico-semantic variant, motives of creativity, the word "earth", frequency, Lermontov's language, language of fiction.

Словом *земля* отражается присутствие в произведениях М. Ю. Лермонтова образов и мотивов, известных мировой и русской литературе, при этом характеризующих яркие особенности творчества поэта: борение страстей, поиски красоты и любви, космизм, духовно принимаемый патриотизм.

Эта частотная в идиолекте автора полисемантическая лексема используется в прозаических и поэтических текстах в значениях 'планета, место жизни людей', 'суша, земная твердь', 'чья-либо территория, страна', 'реальный мир, не небесное', 'поверхностный слой земной коры, почва, грунт, плоскость, по которой движемся', 'рыхлое, темно-бурое вещество' [см.: 5, т. 1, с. 608], представляя различные пласты одноименного концепта ЗЕМЛЯ. Тексты великого русского поэта как хранители национально значимой информации об особенностях его ментально-лингвального комплекса (МЛК) [6], то есть конституирующего признака языко-

вой личности, об идиолекте и идиостиле – неповторимом культурно-историческом явлении мирового масштаба, – позволяют утверждать, что ЗЕМЛЯ концептуализирована в сознании М. Ю. Лермонтова в соответствии с русской картиной мира в ее диалектике.

Пласт концепта ЗЕМЛЯ с главенствующим 'планетарным' смыслом проявляется в творчестве поэта в связи с присущим его мышлению космизмом [1, 3], о чем позволяет говорить не угасавшая в течение короткой, но плодотворной деятельности жажда осмысления не только величия и красоты земли, но также тайны сотворения и устройства мира Божия, не растратенное стремление прикоснуться, благодаря мощи поэтического воображения и окрыленному духу, к вечному и бесконечному: *Верить я готов, // Что наш безлучный мир – лишь прах могильный // Другого, – горсть земли, в борьбе веков // Случайно уцелевшая и сильно // Заброшенная в вечный круг миров* («Сашка») (вечный –

‘бесконечный во времени, не имеющий ни начала, ни конца’; прах – ‘о том, что недолговечно’ [5, т. 1, с. 159; т. 3, с. 359]).

Волнующий вопрос о тайнах мироздания, жизни и смерти, в этой парадигме творчества поэт избирает героями своих произведений бессмертные сущности, сотворенные прежде Земли и управляющих ею законов Бытия, отчего в произведениях ощущается дыхание вечности: *Когда еще ряды светил // Земли не знали меж собой, // В те годы я уж в мире был, // Смотрел очами и душой, // Моллился, действовал, любил. // И не один я сотворен... («Азраил») (сотворить – сов. к творить ‘создавать, созидать в процессе творчества’ [5, т. 4, с. 344], ср. Творец – Создатель, Бог).*

Лермонтовские «духи изгнания» – «печальный» Демон, «полужемной, полуневесный» Азраил – и ангелы, которым дано слово в произведениях поэта, могут с особых позиций видеть землю, а строки мощно запечатлевают это космическое зрелище: *Меж тем на своде отдаленном // Одна алмазная звезда // Явилась в блеске неизменном, // Чиста, прекрасна как всегда, // И мнилось: луч ее не знает, // Что на земле он озаряет...» («Ангел смерти»).* Земля, созерцаемая духовным зрением с неведомой высоты, предстает среди светил, комет, горящих «алмазных звезд», чьи лучи достигают обители человечества из «дали эфирной»; провидчески М. Ю. Лермонтов ощущает планету голубою: *В небесах торжественно и чудно! // Спит земля в сиянье голубом... («Выхожу один я на дорогу...»).* Образ этот одушевленный (олицетворение «спит земля»), хотя философски отмечено, что земля лишь одна из точек («определенное место в пространстве» [5, т. 4, с. 392]) на необъятном своде: *Погаснул день! – и тьма ночная своды / Небесные как саваном покрыла. // Кой-где во тьме вертелись и мелькали // Светящиеся точки, // И между них земля вертелась наша («Ночь II»).* Сема ‘пространства’ не сужает, как должно было бы казаться, а расширяет пределы осмысливаемого поэтом мира именно до космических: величием обладает возникающий образ земли – далекой от звезд и луны планеты, соперничающей с ними в космической свободе и красоте.

Концепты БОГ и ЗЕМЛЯ связаны в МЛК автора. М. Ю. Лермонтов преклоняется перед творением Создателя, представляя землю (Его благое даяние человеку) как ‘место жизни и деятельности людей’, следовательно, и героев (включая ирреальных, что присуще романтической литературе), поэтому космизм проявляется и при рассмотрении ЗЕМЛИ ‘места, территории’, предмета споров за «клочок земли». Так, доверяя Печорину поэтическое рассуждение о роли небесных светил в направлении жизни обывденной, автор подготавливает к философскому восприятию идейно-художественного содержания и событий в «Фаталисте». Раскрывается отношение к вечным ценностям, среди которых дар жизни, преподнесенный Богом каждой песчинке. Используя слово земля с иронической коннотацией, возбуждаемой благодаря контекстуальному партнеру ничтожный («крайне незначительный, несущественный»; ‘не имеющий какого-л. значения, пустой’ [5, т. 2,

с. 502]), М. Ю. Лермонтов затрагивает вопрос о Предопределении, о важности веры в Божий Промысел и о тщете суеты: *Я возвращался домой пустыми переулками станицы; месяц, полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!.. («Герой нашего времени»).* Мотивы сплетаются, пласты концепта ЗЕМЛЯ находятся во взаимообусловленности.

М. Ю. Лермонтову не чуждо «глубинное ощущение русским человеком своей Отчизны в ее диалектике земного и небесного» [4, с. 183]. Наличием компонентов ‘родной’, ‘своей’, восходящих к древнему пониманию ЗЕМЛИ как ‘матери, кормилицы, защитницы’, обусловлено патриотическое содержание важного пласта концепта – ‘страна, родина’. В лермонтовских произведениях любовь к родине получает традиционную положительную оценку как сильное, высоконравственное и достойное уважения в любом народе чувство: *...дикую картину // Родной земли и неба красоту // Обозревал задумчивый Бешту («Аул Бастунджи»).* Для описания выделенного ‘патриотического’ пласта концепта ЗЕМЛЯ важен состав средств его представления – единиц идиолекта: земля – край, отчизна, родной берег, страна, чужое поле, изгнание: *Как я, оставил берег земли своей родной // Для добровольного изгнания! («Элегия»).* Содержание ‘страна, родина’ доносят прецедентные онимы (Волга, Днепр, Кавказ, Кремль, Россия, Русь, Франция, Эльба): *Куда теперь нам ехать из Кремля? // Ворот ведь много, велика земля! («Сашка»).* Устойчиво повторяются эпитеты-антонимы родной и чужой, которыми сопровождается слово земля, являющееся стержнем патриотического образа: *...Хотя певец земли родной // Не раз уж пел об нем, // Но песнь – все песнь... («Могила бойца»)* – *...Для гордой девы из земли чужой («Литвинка»).* Это значимые показатели связи концепта ЗЕМЛЯ с такими единицами национальной концептосферы, как СВОЙ–ЧУЖОЙ, признаваемыми доминирующими и в лермонтовской [2, с. 158].

Для поэта наличие патриотического чувства, осмысление земли ‘родной’ обусловлено не столько ее красотой, сколько причастностью к традициям, сохранением веры, нравов, культуры, своего языка: *Я вижу ясно – ты изгнанник, // Ты от земли своей отвык, // Ты позабыл ее язык («Измаил-Бей»).* Об этом свидетельствуют предикаты изгнанник ‘тот, кто находится в изгнании’ [5, т. 1, с. 641], то есть ныне ‘чужой’, отвыкнуть ‘утратить привязанность к кому-, чему-л., находясь далеко или не общаясь’ [5, т. 2, с. 670]; в значении последнего указанная сема, существенная для объема концепта СВОЙ–ЧУЖОЙ, дублируется: ‘далеко’, ‘не общаясь’. «Надежда на Бога, готовность принести жертву во имя национальной самобытности, определяемой, прежде всего, православным мирозерцанием, вера в силу христианской молитвы» [4, с. 183] в

основе его чувства патриотизма. Фальшь, искусственность патриотического чувства М. Ю. Лермонтов подверг осмеянию, изменив на полярную (негативную) оценку в коннотативном компоненте предиката *патриот* ('тот, кто любит свое отечество, предан своему народу, родине' [5, т. 3, с. 32]): *Он чванится, что точно русский он; // Но если бы таков был весь народ, // То я бы из Руси пустился вон. // И то сказать, чудесный патриот; // Лишь своему языку обучен, // Он этим край родной не выдает: // А то б узнали всей земли концы, // Что есть у нас подобные глупцы* («Булевар»).

Красота – не самое притягательное, по Лермонтову, достоинство «земли родной»: она мила уже потому, что 'своя': *Прекрасны вы, поля земли родной, // еще прекрасней ваши непогоды...* («Прекрасны вы, поля земли родной...»). Однако очевидна связь концептов КРАСОТА и ЗЕМЛЯ, обуславливающая культурную значимость и соотносительность последнего с понятиями не только философскими, этическими, но и эстетическими («прекрасное»). Так, с упоминанием *родной земли* в идиостиле поэта связано отражение высоких чувств, осмысление диалектики жизни и жадности самопознания, кипения любви, указание на страдание и блаженство как ощущение Божиего промысла: *...Я не мог // Понять, как можно чувствовать блаженство / Или горькие страдания далеко // От той земли, где в первый раз я понял, // Что я живу, что жизнь моя безбрежна, // Где жадно я искал самопознания, // Где столько я любил и потерял, // Любил согласно с этим бранным телом, / Без коего любви не понимал я* («Смерть») («Ласкаемый цветущими мечтами...»).

Согласно древнейшим, отражаемым фольклором представлениям, земля есть твердь, могучая сила, стихия, существующая наряду со всеми другими: воздухом (ветер, небеса), водой, огнем. Идея 'суши, тверди' как стержень соответствующего пласта концепта ЗЕМЛЯ ('стихия') и навеянный этой идеей образ великой силы раскрывается в произведениях М. Ю. Лермонтова в противопоставлении земли небу и морю, которое готово сразиться и с небесами, хотя солидарно с ними во враждебности к земле и человеку. Человек, наделенный бессмертной душой, в запечатлении лермонтовскими строками принадлежит этому сложному миру: *Пусть отдадут меня стихиям! Птица, // И зверь, огонь, и ветер, и земля // Разделят прах мой, и душа моя // С душой вселенной, как эфир с эфиром, // Сольется и развеется над миром!..* («Сашка»). Поэтому он или сопротивляется разрушительным стихиям («Корсар»), или жаждет *слиться* ('объединиться') с ними: «Поиск единения со стихией – лейтмотив лермонтовского творчества» [3, с. 74] (ср. «Парус»).

Противопоставление небу указывает на связь концептов ЗЕМЛЯ и НЕБО, на их известный антагонизм. Оно проступает в философском плане произведений, обусловлено осмыслением автором ЗЕМЛИ как 'дома, обители человечества', предназначенной для жизни. Это противопоставление небесному – как неизведанному – реальной действительности, данной в чувственных ощущениях, духовном любовании, в желании осмыслить закономерности жизни природы и общества.

Оно декларируется в стихотворении «Земля и небо» с антонимическим стержнем в заглавии. Первая же строка сообщает о предпочтении *земли* благодаря предикату *любить* с емкой семантикой 'привязанности': *Как земле нам больше небес не любить?* По Лермонтову, неведомое «темное небесное счастье» уступает земному: *Хоть счастье земное и меньше в сто раз, // Но мы знаем, какое оно.* Земля, на земле 'свое', тогда как небо, на небе – 'чужое'. Подчеркивая, что «...слишком для земли нас создал Бог...» («Литвинка»), поэт утверждает ценность земли (не небесного), говорит о единстве с нею: *О, если так, то небо не сравняю // Я с этою землей, где жизнь влачу мою; // Пускай на ней блаженства я не знаю, // По крайней мере я люблю!* («Ужасная судьба отца и сына...»). Предикативом *жалеть* ('о нежелании... лишиться чего-л.' [5, т. 1, с. 471]) донесено понимание ценности дара жизни: *Мы блаженство желали б вкушать в небесах, // Но с миром расстаться нам жалеть* («Земля и небо»). В содержании концепта НЕБО есть составляющая 'потусторонний', таким образом, прослеживается связь концепта ЗЕМЛЯ 'реальная действительность' с амбивалентным концептом ЖИЗНЬ – СМЕРТЬ в лермонтовской концептосфере.

ЗЕМЛЯ ('человеческая обитель') осмыслена как сотворенная «для чувств и счастья» («Маскарад»): *И счастье я могу постигнуть на земле...* («Когда волнуется желтеющая нива...»). Оценка закрепляется в строках поэта эксплицитным и имплицитным признанием «люблю», указывающим на связи концептов ЗЕМЛЯ и ЛЮБОВЬ. Он осознал, что на земле сталкиваются *рай и ад, мученье и радости, зло и добро, высокое и низкое, священное и грешное, блаженство и суета*, но, невзирая на парадоксальность аргументов, указывающих на диалектическую противоречивость, амбивалентность любви к земле, земному, выразил это чувство в разных произведениях: *Люблю мучения земли...* («1830. Майя. 16 число»); *Земле я отдал дань земную // Любви, надежд, добра и зла* («Гляжу на будущность с боязнью...»).

Вызывающая *любовь* красота земли запечатлена описаниями реального мира, образами природы в различных ее состояниях: *На землю сумрак ниспадает, // Сквозь ветви брезжит лунный свет...* («Монго»). И хотя лирический герой М. Ю. Лермонтова декларирует, что подвержен неизбывным страданиям в этом мире, он жаждет воздаяния за них именно на земле: *Я не пленен небесной красотой; // Но я ищу земного упоенья.* <...> *Но мне милей страдания земные...* («К другу») (*упоенье* – 'состояние, восторга, восхищения, экстаза' [5, т. 4, с. 503]). Актуализация связи с концептами ЛЮБОВЬ и КРАСОТА подчеркивает противопоставленность ЗЕМЛИ и НЕБА.

Во многих строках запечатлено представление о ЗЕМЛЕ, которое соответствует надфилософскому антропоцентризму, проступающему в любом менталитете. Это касается традиционного взгляда на землю как несущую 'поверхность', опору единственно доступного и чувственно осваиваемого мира, по которой дано ступать, двигаться разными способами, которая создана, чтобы «держаться» на себе все: *Идет, бывало, гордо,*

плавно – // *Чуть тронет землю башмачок* («Тамбовская казначейша») (*идти* – ‘передвигаться, перемещаться в пространстве’ [5, т. 1, с. 631]). Понятно, что МЛК М. Ю. Лермонтова не чуждо художественное освоение пласта ‘земля-поверхность’ концепта ЗЕМЛЯ, ибо в его идиостиле есть образ упругой, резонирующей силы: *Я чувствовал, как конь дышал, // Как он, ударивши ногой, // Отбрасывает был земли...* («Люблю я цепи синих гор...») (*отбрасывать* – несов. к *отбросить* ‘бросить в сторону’ [5, т. 2, с. 664]). Он проступает в частотных контекстах с представлением о земле как «стартовой площадке» (‘начало’), с одной стороны, и колыбели покоя, могиле (‘конец’) – с другой, что заслуживает отдельного рассмотрения.

В антиномиях «космическое – точка, место», «вечное – брэнное, прах», «родное – чужое», «стихия – дом, опора», «начало – конец» (‘жизнь – смерть’), «реальное – небесное», «любовь, красота, жизнь – смерть» проявилась сила мысли и глубина раздумий поэта о земле, отразились особенности концептуализации его МЛК рассмотренных пластов концепта ЗЕМЛЯ в связях с другими единицами лермонтовской концептосферы.

Библиографический список

1. Горланов, Е. Г. Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте русского духовного самосознания [Текст] : монография / Е. Г. Горланов. – М.: МГОУ, 2009. – 376 с.
2. Дегтярева, М. В., Ермакова, Н. Ф. Языковые средства, формирующие художественное пространство в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» [Текст] // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 2. – Том I (Гуманитарные науки) / М. В. Дегтярева, Н. Ф. Ермакова. – Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2014. – С. 156–159.
3. Киселева, И. А. Онтология стихии в художественном мире М. Ю. Лермонтова [Текст] // Вестник МГОУ. Сер. «Философские науки» / И. А. Киселева. – М.: МГОУ, 2011. – С. 74–78.

4. Киселева, И. А. Роль событий войны 1812 г. в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX в.: к вопросу о патриотизме Лермонтова [Текст] // Вестник Московского государственного областного университета : Электронный журнал / И. А. Киселева. – М.: МГОУ, 2012. – № 4. – С. 182–187. – Режим доступа: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/246>

5. МАС – Словарь русского языка АН СССР: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е. – М.: Русский язык, 1981–1984.

6. Морковкин, В. В., Морковкина, А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) [Текст] / В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. – М.: ИРЯП, 1997. – 414 с.

Bibliograficheskiy spisok

1. Gorlanov, E. G. Tvorchestvo M. Ju. Lermontova v kontekste russkogo duhovnogo samosoznaniya [Текст] : monografija / E. G. Gorlanov. – М.: МГОУ, 2009. – 376 s.
2. Degtjareva, M. V., Ermakova, N. F. Jazykovye sredstva, formirujushhie hudozhestvennoe prostranstvo v pojeme M. Ju. Lermontova «Mcyri» [Текст] // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2014. – № 2. – Том I (Gumanitarnye nauki) / M. V. Degtjareva, N. F. Ermakova. – Jaroslavl': JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 2014. – S. 156–159.
3. Kiseleva, I. A. Ontologija stihii v hudozhestvennom mire M. Ju. Lermontova [Текст] // Vestnik MGOU. Ser. «Filosofskie nauki» / I. A. Kiseleva. – М.: МГОУ, 2011. – S. 74–78.
4. Kiseleva, I. A. Rol' sobytij vojny 1812 g. v formirovanii imperskih nastroenij russkogo obshhestva pervoj treti XIX v.: k voprosu o patriotizme Lermontova [Текст] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta : Jelektronnyj zhurnal / I. A. Kiseleva. – М.: МГОУ, 2012. – № 4. – S. 182–187. – Rezhim dostupa: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/246>
5. MAS – Slovar' russkogo jazyka AN SSSR: v 4-h tt. / pod red. A. P. Evgen'evoj. – Izd. 2-e. – М.: Russkij jazyk, 1981–1984.
6. Morkovkin, V. V., Morkovkina, A. V. Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znam) [Текст] / V. V. Morkovkin, A. V. Morkovkina. – М.: ИРЯП, 1997. – 414 s.